

УДК 347.97/99+34.07

Е. И. Кобахидзе, А. А. Дзотцова

СУДОУСТРОЙСТВО НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1850-х гг. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

В статье анализируется система судоустройства на Центральном Кавказе, сложившаяся к концу 1850-х гг. на основе законодательных актов предшествующих десятилетий. Показано, что региональная система правосудия строилась по аналогии с общероссийской, но имела при этом свою специфику, обусловленную особенностями административного управления краем. Принципы управления и судопроизводства различались в зависимости от категории населения, при этом для гражданских лиц функционировала общероссий-

ская судебная система, адаптированная к условиям Кавказского наместничества, а для горского населения постепенно разрабатывались особые механизмы судоустройства и судопроизводства, в соответствии с которыми общегосударственное право в определенной мере было соотнесено с местной юридической практикой.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, судоустройство, судопроизводство, российская судебная система, административное управление, народный суд.

E. I. Kobakhidze, A. A. Dzotsoeva

JUDICATURE IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE END OF THE 1850S IN THE CONTEXT OF RUSSIAN JUSTICE SYSTEM

The article analyses judicature in the Central Caucasus as formed by the end of the 1850s on the basis of legal acts of the previous decades. The article shows that the regional justice system evolved by analogy with the Russian one, but had its own features that were determined by the peculiarities of regional administering. The principles of administering and legal proceedings differed according to the category of population. Russian justice system adapted

to the conditions of the Caucasus vicegerency was valid for civilians, while for mountain dwellers specific mechanisms of judicature and legal proceedings were gradually developed. In accordance with them, the state law was brought into correlation with local juridical practice.

Key words: Central Caucasus, judicature, legal proceedings, Russian justice system, administering, Public Court.

Проблемы судоустройства на Центральном Кавказе в XIX в. тесно связаны с практикой его политико-административного освоения. В течение всего этого периода в процессе становления в регионе судебной системы выделяется несколько этапов, определяемых в первую очередь административными преобразованиями и конкретными социально-политическими обстоятельствами вхождения Кавказа в состав Российской империи. Изменения в административно-управленческой сфере влекли за собой переустройство судебной системы региона, определяя как ее организационные формы, так и функциональные особенности.

Вопросы судоустройства на Северном Кавказе в период его вхождения в административную систему Российской империи подни-

мались как историками, так и правоведами (Ж. Калмыков, Л. Гатагова, З. Блиева, Г. Малахова, И. Зозуля, А. Дзидзоев и др.). При этом в центре внимания исследователей оказывались проблемы административного освоения региона и формирования здесь государственной системы управления, частью которой рассматривалась судебная система. Характерно, что и те, и другие фокусировались в первую очередь на проблемах, связанных с организацией правосудия в горских обществах, населяющих регион, и возникающих при этом феноменах взаимодействия традиционных правовых норм и российского законодательства (З. Мисроков, Е. Кобахидзе, А. Абазов). Наиболее проработанными эти вопросы оказались для второй половины XIX в., когда Российское государ-

ство вступило в эпоху Великих реформ, одно из центральных мест среди которых заняла судебная реформа 1864 г.

На наш взгляд, акцентуация «горской» проблематики в определенной мере затушевывает реальную сложность процесса создания системы правосудия в регионе, поскольку ограничивает представление о региональной судебной системе в ее целостном виде, не позволяя в полной мере оценить специфику судостроительства и судопроизводства и его генетические связи с организационной структурой судебной сферы в Российской империи. В предлагаемой статье сделана попытка уйти от узконаправленного взгляда на эти процессы и показать эволюцию региональной судебной системы в общероссийском контексте в пределах небольшого хронологического отрезка 20–50-х гг. XIX в. – периода, когда закладывались основы будущего судостроительства Северо-Кавказского региона и специфика правоприменительной практики.

Уже в первых официально принятых актах об управлении Кавказом намечались контуры сложившейся впоследствии многоуровневой иерархии судебной системы в крае [1, с. 108]. Сложность ее организации и структуры была вызвана особенностями административного управления: гражданского – для жителей городов, военного – для казачества и воинских подразделений, военно-народного – для горцев.

Для гражданского населения Кавказа в рассматриваемый период действовала общероссийская судебная система, адаптированная к условиям региона. Ее устройство регламентировалось введенным еще 6 февраля 1827 г. Учреждением для управления Кавказской областью, утвержденным императором Николаем I.

Чтобы оценить специфику первого закона, разработанного для управления Кавказом и надолго определившего очертания региональной системы судостроительства и судопроизводства, необходимо представить в общих чертах основные характеристики российской системы правосудия. В организационном отношении она представляла собой достаточно громоздкую иерархию судебных установлений, куда входили суды общей юрисдикции и «особенные» суды, появившиеся после судебной реформы Екатерины II. Начало XIX в. внесло некоторые изменения в судостроительство, однако в целом судебная система в Российской империи сохраняла свои общие черты вплоть до введения новых судебных уставов 1864 г.

В соответствии с Учреждениями для управления губерниями 1775 и 1780 гг. в Российской

империи была создана система параллельно действующих систем местных административных и судебных органов, основанных на принципе сословности. В качестве судов первой инстанции в системе общей юрисдикции действовали т. н. «верхние» (в губернских городах) и «нижние» (в уездах) сословные суды для дворян, городских обывателей и крестьян. Апелляционной и ревизионной инстанцией для «верхних» судов являлись губернские палаты уголовного и гражданского суда, являвшиеся уже судами высословными. Коронный элемент в уездных судах был представлен председателем и членами суда; помимо них в судебный состав входили заседатели (два – от дворянского сословия и два – от купеческого). Нижние земские суды выполняли также административно-полицейские функции.

Верхний земский суд являлся апелляционной и ревизионной инстанцией по отношению к уездному суду и состоял из двух департаментов, один из которых ведал делами уголовными, другой – гражданскими. Два председателя суда назначались высшей властью по представлению Сената. В состав суда входили 10 заседателей, избираемых губернским дворянством на три года.

Система «особенных» судов была представлена совестными судами, которые предполагалось создать во всех губерниях, а также Верхним и Нижним надворными судами (в Москве и Санкт-Петербурге). Юрисдикции совестных судов подлежали гражданские дела, которые могли быть рассмотрены в примирительном порядке, и споры, не предусмотренные законом (см. подробнее: [3, с. 43–45]). Совестный суд как судебная инстанция был поставлен на один уровень с губернскими палатами, и высшей инстанцией для него, как и для палат, являлся Сенат и император.

Для городского населения также учреждалось две судебные инстанции: городской магистрат (в посадах – ратуша) и губернский магистрат. Члены городского магистрата, как и ратуши, избирались городским купечеством и мещанством раз в три года. Высшей апелляционной и ревизионной инстанцией для городских судов являлся Губернский магистрат, два председателя которого назначались Сенатом по представлению губернского правления. Шесть заседателей губернского суда избирались от купеческого и мещанского сословий города. Как и верхний земский суд, губернский магистрат также состоял из двух отделений – уголовного и гражданского.

В уездных городах система судебных органов дополнялась управами благочиния, куда

входили городничий, приставы по уголовным и гражданским делам и два ратмана, избираемых горожанами. В управах, помимо полицейского надзора, велось рассмотрение маловажных уголовных и гражданских дел и производство следствия. Кроме того, в городах продолжали действовать словесные суды, члены которых избирались городским населением ежегодно.

Учреждение для управления Кавказской области от 6 февраля 1827 г. [7] формировало региональный судебно-административный аппарат, несколько отличающийся от общероссийского. В кавказской судебной системе были представлены только суды общей юрисдикции и военные суды, что объяснялось военными условиями Кавказа. Иерархия общих судов в определенной степени дублировала общероссийскую структуру.

В связи с тем, что Учреждение разделило бывшую Кавказскую губернию на четыре округа, утвердив в качестве окружных городов Ставрополь, Георгиевск, Моздок и Кизляр, уездные судебно-административные органы приобрели статус окружных, а губернские – областных. Высшей судебной инстанцией стал Областной суд в г. Ставрополе. Председателем Областного суда являлся начальник области – «воинский чиновник», командир Кавказской линии и дивизионный начальник; в состав суда входили три советника (один из них – старший), заседатель от дворянского сословия, а также один депутат «для присутствия» – в случаях разбора дел представителей купеческого и мещанского сословий, избираемый купечеством областного города или назначаемый из членов городского суда.

Областной суд являлся высшей апелляционной инстанцией в сфере гражданского судопроизводства, высшей ревизионной инстанцией – в сфере уголовного судопроизводства и первой инстанцией для разбора должностных преступлений [7, с. 114]. Апелляции, исходящие из Областного суда по гражданским делам, передавались в Сенат, по уголовным и следственным – к начальнику области, а в случае несогласия с принятым решением – главноуправляющему в Грузии или в Сенат [7, с. 124].

Совестный суд как самостоятельная судебная инстанция в Кавказской области отсутствовал – его компетенция передавалась Областному суду, причем для рассмотрения дел, находящихся в юрисдикции совестных судов, предполагалось издание специальных узаконений; при разбирательстве в Областном суде «случаев суда совестного» необходимо было присутствие областного предводителя дворянства.

По аналогии с уездными судами российских губерний в Кавказской области создавались окружные и земские суды. Первой инстанцией для разбора уголовных и гражданских дел становились окружные суды, в состав которых, помимо председателя, входили также два заседателя из чиновников и депутаты от сословий. Уголовные преступления, совершаемые в среде военных и казаков, передавались на рассмотрение военного суда.

Учреждаемые в Кавказской области земские суды, как и в других частях империи, осуществляли административно-полицейские функции [7, с. 116–117] и отчасти брали на себя заботы волостного управления, занимаясь раскладкой повинностей, сбором и обработкой статистических данных, исполнением судебных решений и судопроизводством «по маловажным делам» [7, с. 121]. В составе земского суда находились земский исправник и пять заседателей, один из которых назначался специально «для разбора споров между обывателями и кочующими инородцами» [8, с. 23].

В городах Кавказской области учреждалось городское управление, в его составе находился городской суд, заменивший собой городской магистрат, отсутствие которого объяснялось «малолюдностью» городов региона. В законе указывалось, что городские суды создаются исключительно для разбирательства словесных жалоб по гражданским делам, поскольку письменные жалобы должны были подаваться в окружные суды. Соответственно, в состав городского суда входили словесные суды каждого из народов, населяющих Кавказскую область: русский, армянский, «татарский» и другие, действующие «отдельно и совокупно» [7, с. 120]. В случаях разбирательства дел тяжущихся, принадлежавших одному обществу, словесные суды действовали отдельно; если же стороны представляли разные общества, собирался смешанный состав суда. Узаконивалось положение, по которому «инородные» словесные суды действовали «по правилам, обычаям и законам инородных» [7, с. 120]. Число городских словесных судов определялось главноуправляющим в зависимости от «со-размерности дел и рода населения» [8, с. 24]; каждый словесный суд действовал в составе одного судьи и двух заседателей.

Военное население крепостей, расположенных на Кавказской военной линии, подчинялось общему комендантскому управлению округа, которое осуществлялось окружным начальником – будучи воинским чиновником, он являлся также и комендантом крепости, находящейся

в окружном городе. Окружному начальнику предписывался надзор за ходом текущей административной деятельности во вверенном ему округе; следственные и уголовные дела, рассматриваемые в окружных судах, подлежали его ежемесячной ревизии [7, с. 114–115]. Как комендант крепости, окружной начальник по комендантскому управлению подчинялся линейному командиру и имел право пересмотра приговоров военного суда.

Что касается местного горского населения, то Учреждение для управления Кавказской области дифференцировало его на «внутренних» и «внешних» («залинейных») инородцев, и для каждой из этих категорий вводились свои порядки, в том числе и в области судопроизводства и судопроизводства.

По отношению к «внутренним инородцам» судопроизводство велось в зависимости от рода дел: общественных (т.е. государственных преступлений: измена, возмущение в народе, побег за границу с злым умыслом, подвод хищников заграничных), частных (убийство, грабеж и насилие, поджог, фальшивомонетничество, скотокрадство), исковых [7, с. 122]. Все дела по общественным преступлениям подлежали рассмотрению военным судом; частные дела рассматривались и решались в окружных судах и в порядке ревизии могли передаваться в областной суд. Исковые дела разбирались в самих обществах в соответствии с традиционными юридическими нормами и в случае несогласия с вынесенным решением на основании жалобы поступали в окружной суд в следственном порядке (если сумма иска превышала 100 руб., причем для подачи жалобы определялся годовой срок [7, с. 124]) и далее, уже в порядке апелляции, передавались в высшие судебные инстанции. Однако законодатель подчеркивал, что во всех случаях решения должны выноситься на основании местных «законов и обычаев» [7, с. 122].

Новые административные порядки не распространялись на «залинейных инородцев», которые состояли в ведении линейных воинских начальников – комендантов окружных городов [7, с. 111–112, 122], причем безотносительно к созданному в области административно-управленческому аппарату. Все преступления, совершаемые в обществах, рассматривались в воинских судах; по исковым делам «внешним инородцам» предоставлялось право разбирательства на основании бытующих в местной среде правовых обычаев. Линейное начальство могло вмешиваться в судебный процесс, только если сами жители обратятся к нему с подобной просьбой [7, с. 122].

Права пересмотра вынесенных решений в официальных судебных инстанциях «внешние инородцы» не имели.

Несмотря на строгую иерархию судебных установлений, Учреждение закрепляло порядок, при котором судебные и собственно административные функции переплетались на каждом из уровней управления. Так, председательствовать в судах различных инстанций надлежало начальникам соответствующих управленческих структур, занимавших высшие офицерские должности; окружным управлением осуществлялся надзор за окружными и земскими судами, областное управление выполняло аналогичные функции по отношению к окружным судам. Областному начальнику поручалось пересматривать и утверждать решения по уголовным делам, принятые Областным судом, или, в случае несогласия, передавать их высшему начальству, он же утверждал кандидатуры членов городских судов. Окружные советы и окружные начальники имели право ревизии следственных и уголовных дел, рассматриваемых в местных судах. Наверху пирамиды исполнительной власти в Кавказской области стоял главноуправляющий в Грузии, который наделялся и надзорными функциями в сфере отправления правосудия.

В целом принятая в регионе система управления и судопроизводства для гражданского населения действовала вплоть до введения новых судебных уставов 1864 г. с незначительными изменениями, связанными с подвижками в административной сфере. Так, по высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 9 декабря 1842 г. была частично реорганизована система управления Кавказской областью: как лишняя административная инстанция упразднялись окружные советы с передачей их функций окружным начальникам – комендантам крепостей; Моздок был переведен в статус заштатного города и вместо упраздненных окружного суда и полицейского управления в городе появилась Ратуша (по аналогии с посадами российских губерний); создан городской магистрат в областном центре – г. Ставрополе и т. п. [9]

Некоторые незначительные подвижки в устоявшейся судебной системе региона произошли в связи с учреждением Кавказского наместничества и назначением наместника в качестве высшего должностного лица. В управлении краем был реанимирован губернский принцип: Кавказ делился на губернии, а его округа вновь стали уездами. В соответствии с этим принципом несколько видоизменялась и

система судостройства на Северном Кавказе: переименование Кавказской области в Ставропольскую губернию (2 мая 1847 г. [10]) повлекло за собой трансформацию Ставропольского областного суда в Палату Уголовного и Гражданского суда, а окружных судов – в уездные. Общее управление в губернии строилось на основании прежнего Учреждения для управления Кавказской области с той лишь разницей, что все бывшие кавказские, областные и окружные должности и правительственные места стали именоваться соответственно Ставропольскими, губернскими и уездными.

Состав и предметы ведения судебных установлений Ставропольской губернии оставались прежними, однако позже были несколько расширены: так, например, в конце 40-х гг. в компетенцию Ставропольской палаты вошли дела, касающиеся отношений крестьян и их владельцев.

В конце 50-х гг. XIX в. на Северном Кавказе происходят события, определившие его дальнейшую судьбу в составе Российской империи. Близившееся окончание Кавказской войны, в течение десятилетий отнимавшей и силы, и средства противоборствующих сторон, определило пересмотр ориентиров в кавказской политике правительства, вплотную приступившего к глубоким административно-судебным преобразованиям в крае. Необходимость в реформе управления, проведенной наместником А. И. Барятинским в 1857–1858 гг., была вызвана потребностями «гражданского развития» региона, а «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе» Барятинский считал «устройство окончательного управления горскими племенами» [2, с. 1278]. Поэтому основное внимание кавказской администрации было сосредоточено на решении именно этих задач. При этом под управлением понималось создание для горцев не только институтов управления, но и судебных органов, зачастую исполнявших еще и сугубо административные функции.

Главным в преобразованиях наместника стал отказ от прежней системы приставских управлений, сформированных на территориях проживания горцев, и создание совершенно новой для региона административной системы военно-народных округов. В соответствии с Положением Кавказского комитета от 10 декабря 1857 г. «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» на Правом крыле Кавказской военной линии вместо прежних шести приставств образовывалось четыре (Нижне-Прикубанское, Закубанских ногайцев, Тахтамышевское и Карачаевское), а на Левом –

четыре округа: Военно-Осетинский, Кабардинский, Чеченский и Кумыкский [12]. Начальниками округов назначались высшие военные офицеры в чине полковника или генерал-майора, которые находились в непосредственном подчинении у командующего войсками Левого крыла [2, с. 646]. При начальнике округа состоял помощник, назначаемый из русских штаб-или обер-офицеров, а также штат помощников, управляющих частями округа, причем на эти должности могли назначаться как русские офицеры (например, в Военно-Осетинском округе), так и представители местного населения (в Кабардинском округе) [13, с. 502].

Главное приставство горских народов бывшего Владикавказского военного округа вошло в состав нового Военно-Осетинского округа, который делился теперь на пять участков: приставства Куртатинское, Алагирское, Назрановское, Нагорное, карабулаков и галашевцев [2, с. 645].

Одновременно с выстраиванием окружной административной модели управления упорядочивалась и организационная структура судебной системы, при этом основные изменения происходили в судостройстве, предназначенном для горского населения края. Так, в том же Положении устанавливалась необходимость создания в каждом из округов народного суда «для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени» [12, с. 995]. Членство в суде предполагалось постоянным, а председательствовать назначалось начальнику округа. Народные суды состояли из главного кадия и нескольких депутатов от каждого из обществ, входящих в состав округа. Делопроизводство в суде должен был вести адъютант окружного начальника. Окружной народный суд являлся высшей судебной инстанцией в округе.

Штат Народного суда, учреждаемого в Военно-Осетинском округе и располагавшегося во Владикавказе, состоял, помимо председателя и главного кадия, из 11 депутатов и двух переводчиков – «письменного» и «словесного» [13, с. 502]. Среди депутатов окружного суда числились: «от назрановцев – 2, от галаевцев – 1, от джераховцев и кистинцев – 1, от ингуш – 1, от тагаурцев – 2, от алагирцев и куртатинцев – 2, от горских осетин – 1, от галашевцев и карабулаков – 1 и впоследствии еще один от дигорцев» [2, с. 647].

Судопроизводство для местных народов, населяющих Военно-Осетинский округ, регламентировали «Первоначальные правила для управления участками Осетинского округа»,

утвержденные главнокомандующим войсками Левого крыла Кавказской военной линии 18 сентября 1858 г. [4, с. 237–238; 6, л. 11–12] Правила унифицировали процессуальную деятельность окружного суда и определяли юрисдикцию начальников участков. В сфере правоприменения усиливались репрессии в отношении тех лиц, которые скрывались в непокорных обществах. Изначально «Правила» вводились как временная мера до того момента, когда будут изданы более подробные инструкции.

Документ определял порядок судопроизводства и подсудность дел, подлежащих рассмотрению как в окружном народном суде, так и в участковых управлениях как судах первой инстанции. Разбирательство «немногосложных жалоб» по гражданским делам проводилось в устной форме помощниками начальника округа по участкам, но вместе с тем предполагалась и некоторая формализация процесса: в специально заведенных во всех участковых управлениях журналах следовало фиксировать суть жалобы и кратко излагать ход дознания; определяемое помощником решение фиксировалось как его подписью, так и подписями истца и ответчика. В случае если одна из сторон не соглашалась с вынесенным решением, копия журнальной записи вместе с письменным изложением причин несогласия и собственными доказательствами представлялись начальнику округа как председателю народного суда.

В системе наказаний за незначительные правонарушения предусматривалось наложение штрафа «по народному обычаю» в присутствии трех старшин, но на сумму не свыше 15 рублей серебром. «Более важные» тяжбы и разбирательства надлежало рассматривать в народном суде. Так, если сумма штрафа по словесной жалобе превышала установленный предел, то участковый начальник сообщал об этом начальнику округа, который в свою очередь передавал дело на рассмотрение в окружной народный суд.

Для более значительных правонарушений применялся «законный порядок» рассмотрения; наказания за них налагались по решению суда или «определению окружного начальства». Вводилась такая мера пресечения, как содержание под стражей.

Особо оговаривались действия, которые следовало предпринять участковым начальникам в тех случаях, когда виновные или подозреваемые скрывались от ответственности в «непокорных обществах»: тогда их семьи следовало арестовать и передать старшинам обществ «под поручительные подписки»,

а имущество – конфисковать и в присутствии понятых составить его опись. Дальнейший ход разбирательства оставлялся на усмотрение окружного начальства.

Принципы административного управления и судостройства, введенные наместником, составили основу т. н. военно-народного управления, применяемого по отношению к горцам, которое постепенно складывалось на Северном Кавказе по мере вовлечения региона в административную систему Российской империи. Официально военно-народное управление для горцев Центрального Кавказа закрепляло Положение о Кавказской армии от 1 апреля 1858 г. [см. 11; 2, с. 1276].

Таким образом, в ходе утверждения на Центральном Кавказе системы военно-народного управления узаконивался принцип полиюридизма, отличавший процессуальную деятельность народных судов при рассмотрении дел, касающихся горского населения. Как отмечает З. Х. Мисроков, особенностью юридического плюрализма на Северном Кавказе являлась свобода выбора способа разрешения спора или конфликта при сохранении за государством монополии в правосудии, что в случае с окружными народными судами подтверждалось фактом назначения на должность председателя «своего» военного чиновника. Несмотря на влияние экзогенных правовых ценностей, традиционное обычное право горцев не утрачивало своих изначальных качеств и использовалось наряду с российским правом при условии непротиворечия имперскому стандарту [5, с. 92–93].

Как видно, система отправления правосудия на Кавказе до конца 50-х гг. XIX в. строилась по аналогии с общероссийской, но отражала при этом местную специфику, обусловленную пограничным положением региона и условиями военных действий, ведущихся в ходе Кавказской войны. Здесь не были учреждены т. н. «особенные» суды, в системе общих судов при сохранении ее основных структурных элементов отмечалась некоторая упрощенность по сравнению с общероссийской, отдельное место было отведено судостроительству и судопроизводству в среде «инородцев», для которых долгое время не создавалось официальных судебных учреждений. (Исключение составляли Кабардинский временный суд, созданный еще в 1822 г., т. е. до принятия Учреждения для управления Кавказом, для решения судебно-административных задач среди кабардинцев [см. подробнее 1, с. 66–77], и просуществовавший менее десяти лет Владикавказский

инородный суд, открытый в 1828 г. для разбора дел осетин и ингушей и в 1830 г. преобразованный в окружной после карательной экспедиции генерала Абхазова в Осетию.) Изменение социально-политической обстановки в крае в связи с близившимся окончанием Кавказской войны актуализировало задачу интеграции Северного Кавказа в политико-правовое поле империи, выдвинув на первый план вопросы судеустройства для горцев. Они разрешались путем правового оформления как организационной структуры, так и процессуальных аспектов деятельности формируемой для местного населения судебной системы. И как уже отмечалось, к особенностям региональной системы правосудия следует отнести совмещение судебных и собственно административных

функций в одной инстанции и наделение судебными полномочиями руководителей территориально-административных органов управления, бывших военными чиновниками.

Коренные изменения на административной карте Северного Кавказа и создание в январе 1860 г. из Левого и Правого флангов Кавказской линии Терской и Кубанской областей повлекло за собой качественные сдвиги как в организации региональной судебной системы, так и в правоприменительной деятельности. Однако уже в конце 1850-х гг. определились принципы будущего судеустройства региона, в соответствии с которыми все более и более расширялось поле действия российского государственного права, сочетающегося в определенной степени с местной юридической практикой.

Источники и литература

1. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1904. Т. XII (1856–1862). 1552 с.
3. Ефремова Н. Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII–XIX вв.) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 34–50.
4. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Т. II. Орджоникидзе: Государственное издательство СОАССР, 1942. 361 с.
5. Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: МГУ, 2002. 256 с.
6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-II). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II. К №878.
8. ПСЗ-II. Т. II. Штаты и табели. №878.
9. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. Т. XVII. Ч. 2. №16316.
10. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. Т. XXII. Ч. 1. №21164.
11. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. Т. XXXII. Ч. 1. №32529.
12. ПСЗ-II. Т. XXXII. Ч. 1. №32541.
13. ПСЗ-II. Т. XXXII. Ч. 2. Штаты и табели. К №32541.

References

1. Abazov A. Kh. *Narody Central'nogo Kavkaza v sudebnoj sisteme Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX v. (The Peoples Of The Central Caucasus In The Juridical System Of The Russian Empire In The Late 18 – Early 20 Century)*. Nalchik: Pechatnyj dvor Publ., 2016. 264 p. (In Russian).
2. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (Acts Collected By The Caucasian Archaeographic Committee)*. Tiflis: Caucasian General-Lieutenant Head-Office Printing house, 1904. Vol. XII (1856–1862). 1552 p. (In Russian).
3. Efremova N. N. *Jevoljucija otechestvennogo pravosudija (sudebnye reformy XVIII–XIX vv.) (Evolution Of Russian Justice (Judicial Reforms Of The 18–19 c.))*. Pravo. Zhurnal vysshej shkoly jekonomiki (Law. Journal of Higher School of Economics). 2008. No. 2. P. 34–50. (In Russian).
4. *Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevanija Osetii russkim carizmom (Materials On The History Of Ossetian People: Collected Documents On History Of Conquest Of Ossetia By Russian Tsarism)*. Ordzhonikidze: State Publishing house of the North Ossetian ASSR, 1942. Vol. II. 361 p. (In Russian).
5. Misrokov Z. Kh. *Adat i shariat v rossijskoj pravovoj sisteme: Istoricheskie sud'by juridicheskogo pljuralizma na Severnom Kavkaze (Adat And Shariah In The Russian Legal System: Historical Fates Of Juridical Pluralism In The North Caucasus)*. Moscow: Moscow State University Publ., 2002. 256 p. (In Russian).
6. *Nauchnyj arhiv SOIGSI (Scientific Archive Of The North Ossetian Institute For Humanitarian And Social Studies)*. F. 5. Inv. 1. D. 1. (In Russian).

7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e (PSZ-II) (*Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire (CCL)*). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1830. Vol. II. No. 878. (In Russian).
8. PSZ-II (CCL). Vol. II. Staff and tables. To the no. 878. (In Russian).
9. PSZ-II (CCL). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1843. Vol. XVII. Part 2. No. 16316. (In Russian).
10. PSZ-II (CCL). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1848. Vol. XXII. Part 1. No. 21164. (In Russian).
11. PSZ-II (CCL). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1858. Vol. XXXII. Part 1. No. 32529. (In Russian).
12. PSZ-II (CCL). Vol. XXXII. Part 1. No. 32541. (In Russian).
13. PSZ-II (CCL). Vol. XXXII. Part 2. Staff and tables. To the no. 32541. (In Russian).